

Лучший художественный гид по ИТАЛИИ

Наталия
ПОЛЯНСКАЯ

Каникулы в Риме

Наталия Полянская
Каникулы в Риме
Серия «Гид путешественника»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5815558
Каникулы в Риме: Эксмо; М.: 2013
ISBN 978-5-699-64332-5

Аннотация

Преуспевающий бизнесмен Максим Амлинский не привык отдыхать. Он готов решать рабочие вопросы двадцать четыре часа в сутки. Только когда помощница отобрала у него ноутбук и телефон, он смог наконец обратить внимание на красоты Вечного города и при этом заметил не только их... Рим подарил Максиму много удивительных открытий.

Содержание

Пролог	5
1	7
2	12
3	19
4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Наталия Полянская

Каникулы в Риме

Направление: Италия, Рим

Разница во времени с Москвой: минус 3 часа

Как добраться до Рима:

Прямые рейсы из Москвы: «Трансаэро», «Alitalia», «Аэрофлот» и другие. Время полета – приблизительно 3,5 часа. Прямые рейсы из Санкт-Петербурга: «Rossiya», «Alitalia». Время полета – приблизительно 3,45 часа.

Пролог

В Москве опять пошел дождь.

Да что же за напасть такая, подумал Макс, выруливая на блестящее и скользкое, как каток, шоссе. Водяные струи заливали ветровое стекло, «дворники» метались как сумасшедшие, размазывая липкими потеками унылый желтый свет фонарей. Почему-то московские фонари решительно Максу не нравились.

К счастью, фонари с их минорным совковым светом находились по ту сторону баррикад – за пределами огромной теплой машины, где играл джаз, пахло хвойным освежителем и кожаное сиденье еле слышно поскрипывало, когда Макс шевелился. Машина являлась другом. Надежная, антрацитово-черная, похожая на покрытого лаком носорога, она была любима и лелеема Максом. Сейчас она сыто урчала, пережидая на перекрестке красный свет, и саксофон заливался печальными трелями, и шорох «дворников» казался негромким, умиротворяющим. У Макса начали слипаться глаза.

Конечно, еще бы они не слипались. Четвертый час – ночи? утра? – чертова ночного междумирья, когда вчерашний день вроде бы еще не закончился, а новый уже вот-вот начнется. В июне светает рано, и когда Макс доберется домой и выглянет в окно, над горизонтом уже засеребрится свежая рассветная полоса.

Он ехал и думал о том, что обсуждали четверть часа назад, и идея казалась по-прежнему сумасшедшей, но в ней проскальзывала та неуловимая правильность, которая отличает стоящую идею от откровенно неудачной. Тебе еще кажется, что это полный бред, так нормальные люди не делают, и уже понимаешь при этом: отказаться не выйдет. Дикость, глупость, горящая ярким творческим пламенем, берет за жабры даже циников, если они понимают свое дело, разумеется. И Макс догадывался, что, отоспавшись, согласится на сделанное ему предложение.

Хотя не время уезжать из Москвы, совсем не время. Он поморщился. Вот об этом точно не стоит думать сейчас, бесполезно.

Верного друга-машину следовало покормить, и, не доезжая до дома, Макс свернул на заправку. Та исправно работала, даже магазин и кафе не закрылись. Москва не умеет ни спать, ни отдыхать толком; именно поэтому Макс не променял бы этот город ни на какой другой. Москва удивительно совпадала с ним в ритме.

Макс затормозил, выбрался из машины, бросил парню-заправщику:

– Девяносто восьмой, полный, – и пошел расплачиваться.

Дождь радостно забрался ему за шиворот.

Внутри магазина при заправке было тепло, вызывая пахло кофе и свежими булочками, и Макс прошелся вдоль полок, думая, не захватить ли чего с собой, но качество было неприемлемым. Эту химию ни есть, ни пить нельзя. Булочки, правда, пахли одуряюще, и продавщица, видя, что клиент заинтересовался, спросила коварно:

– Хотите кленовый пекан? Только что из печки вынули.

Макс хотел. Дома отличный кофе, можно будет и пекан уговорить. Хотя пекан – это только орех на булочке, а не сама булочка... какая разница. Лингвистические нестыковки – не для заправки посреди ночи.

Стукнула дверь, в магазин влетела прехорошенькая блондинка на высоченных каблук, румяная и, кажется, слегка нетрезвая – видимо, возвращалась с ночной тусовки. Подлетев к стойке, затараторила:

– Так, нам девяносто пятый до полного на второй колонке, и еще энергетик дайте, умираю, и еще кофе сделайте, два, вы не думайте, я денег сейчас дам...

Точно, нетрезва. Девушка полезла в сумку, неожиданно объемную для тусовщицы, ища кошелек, и подлое детище кожевенной промышленности вывалилось у нее из рук, по полу рассыпалась масса барахла.

– О-ой!

Макс отложил пакет с кленовыми пеканами, присел на корточки и принялся помогать. Блондинка, не щадя колготок, плюхнулась на колени, ловя помаду, ускользавшую из пальцев, словно юркая рыбка:

– Ой, ты куда... Ой, простите! Я не хотела!

– Все в порядке. – Макс вежливо ей улыбнулся. – Давайте сумку, будем туда складывать вещи.

Ему очень хотелось домой, однако воспитанный человек не может оставить без помощи девушку, ползающую по полу и ловящую рассыпавшиеся вещи.

Блондинка улыбалась, потряхивала кудрями, благодарила. Провозились минуты четыре; Макс выпрямился, рассеянно попрощался и пошел к двери, у которой его догнала продавщица и сунула ему в руки пеканы. У продавщицы было милое личико, и улыбалась она, кажется, с намеком, но она вовсе не походила на тех девушек, которых Макс обычно осчастливливал.

Он вышел под дождь, прошел мимо маленькой ярко-красной машинки (конечно же) – за рулем сидела вторая блондинка, почти точная копия первой – дал денег заправщику и газанул с места, благо даже на выезде притормаживать не пришлось – шоссе было пустынно. Проспект, прямой, как стрела, лежал впереди, светофоры мигали желтым. Макс увеличил скорость.

Еще пять минут, и он дома.

Впереди горел зеленый, сменившийся желтым, и Макс нажал на тормоз: пусто, но нарушать все равно не годится. Бесполезно. Машина как ехала, так и продолжала ехать. Макс попытался затормозить еще раз, еще и еще – никакого эффекта.

Самое забавное, что страха не возникло, только усталое раздражение: теперь и это еще, блин! Скорость была меньше сотни, и Макс дернул за ручной тормоз. Тоже никакой реакции. Джип пронесся через перекресток на красный свет, хорошо, что поблизости не было ни других машин, ни гаишников; машина дрожала, словно в недоумении: дескать, что это, хозяин, я не хотела! Макс включил аварийку, затем перевел рычаг в мануальный режим, но электроника берегла коробку, и пришлось вилить. Редкие водители шарахались в стороны, явно осознавая серьезность ситуации. Макс удачно вписался во встретившийся на пути поворот, а потом увидел кусты и бордюр и решил, что жизнь дороже крашенных автомобильных боков.

Он остановился носом в дивный раскидистый куст, едва не выкорчевав его; машина виновато рычала, на ветровое стекло сыпалась почти отцветшая мокрая сирень. Джаз продолжал играть. Макс смотрел, как «дворники» гоняют по стеклу несчастные сиреневые цветочки.

– Надо ехать, – сказал он себе, «дворникам» и сирени. – Определенно, надо ехать.

1

*Нет дела, коего устройство было бы труднее, ведение опаснее,
а успех сомнительнее, нежели замена старых порядков новыми.¹*

– Господи, – пробормотал Макс, – скажи мне, зачем я в это ввязался?

Господь, как обычно, не ответил. Он до Макса не снисходил – Бог не говорит с атеистами, а Макс атеистом был махровым, заслуженным, записным. Если бы атеистам выдавали специальный партбилет, то Макс Амлинский непременно бы таковым обзавелся, для убедительности.

За господи ответила Инга:

– Затем, что это хорошая идея.

– Никакая это не хорошая идея, – сказал Макс. Он выразился бы крепче, будь на месте Инги мужик, однако полученное воспитание не позволяло употреблять выражения в обществе дамы. – Так, я придумал. Ты сдаешь билеты, я покупаю рейс на Маврикий, и мы улетаем туда. В отеле...

– Паниковать поздно, – хладнокровно перебила его Инга, прищурилась и спросила: – Это что? Запонки?

– Что такого?

– Ты летишь в Рим мало того что в этом пиджаке, которого не было в твоём списке, так еще и в рубашке с запонками? Макс!

– Инга! – ответил он ей в тон.

– Здесь тебе не Оксфорд!

– Вот уж точно. Хоть один нормальный человек должен быть в этом бардаке, если уж ты переметнулась на темную сторону.

Хотя, надо признать, выглядит Инга в новом наряде отлично. Макс привык видеть ее в деловых костюмах, в вечерних платьях, видел в одежде для отдыха, но такой же, как сама Инга, – спокойной, сдержанно-элегантной. У нее был тот стиль, который Амлинский весьма и весьма ценил и сам. А тут! Ужасная майка с непритязательной девичьей рожей и надписью «Kiss me», джинсы не лучшего разряда, кроссовки... ну ладно, кроссовки фирменные, замнем. И эта ужасная бейсболка, козырек которой почему-то чрезвычайно Макса раздражал. На фоне аэропортовой суеты Инга смотрелась своей, а в глазах Макса стала чужой.

Чужие приходят внезапно.

Но Инга была весьма привлекательная чужая – джинсы и футболка обтягивали где надо, а июньская жара, внезапно навалившаяся на Москву тяжелым душным брюхом, не оставляла места для маневра в виде мешковатой куртки, которую Инга зачем-то прихватила с собой в самолет. Куртка цвета «юный баклажан» тоже была не из привычного мира, зато прекрасно подошла бы девице напротив – полной, неопрятной, читающей замусоленную книжку. Макс не стал смотреть на девицу дольше пары секунд. В своей жизни он старался по максимуму избегать неэстетичных переживаний.

– Ты сам одобрил эту идею, – сказала Инга и принялась покачивать ногой. – Поздно, Максим Эдуардович. Скоро пойдем на посадку.

– Я умер и попал в ад, – буркнул Макс и, отвернувшись, посмотрел в айпад. Там была открыта рабочая почта. Тринадцать неотвеченных писем. Все, все не к добру.

Вокруг стоял гвалт, тоже непривычный после VIP-зоны, куда Макс хотел было свернуть, но Инга немедленно завернула его куда нужно. Вокруг были... люди. Вот как они, ока-

¹ Здесь и далее определенные высказывания Никколо Макиавелли.

зывается, выглядят. Рабочие и крестьяне, сплошной пролетариат. И он, Макс, сейчас тоже как бы относится к этому пролетариату. Ах, судьба-злодейка!

Он бы напел какую-нибудь трагическую арию о бренности бытия и жестокости мироздания, если бы не был начисто лишен музыкального слуха. В оперу сходить – это легко, повторить хотя бы одну ноту – чрезвычайно трудно. Должны же и у него быть недостатки?..

– Мне принести кофе? – спросила Инга.

– Принеси.

Она ушла и вернулась с двумя пластиковыми стаканчиками, похожими на рахитичные наперстки. В них плескалась неопознаваемая бурда.

– Что это?

– Кофе. Из автомата.

– Калашникова?

– Да, Калашникова, – согласилась Инга.

– Я не стану это пить. Ты издеваешься? – Он начал закипать. – Или ты прекращаешь все это, или мы сейчас же отсюда уходим.

– Макс, не стоит на меня сердиться, – сказала Инга. – Посмотри вокруг. Это то, что они пьют, они делают. Ты просил, чтобы я тебе показала, – я показываю.

Он огляделся. К кофейному автомату стояла очередь, люди несли тонкостенные стаканчики, наполненные отходами производства, с такой нежностью, будто там плескался пятидесятилетний «Далмор»². И отхлебывали с удовольствием, вот что странно! Макс взял стаканчик, понюхал бурду, глотнул. М-да.

– Испытание пройдено? Можно выплеснуть остаток?

– Давай мне, я допью.

– Инга, ты сляжешь с гастритом, и я останусь наедине с монстрами. И больничный тебе не дам.

– А я и не попрошу, – сказала она и допила кофе сначала из Максова стаканчика, потом из своего. – Максим Эдуардович, можете не беспокоиться за мое здоровье, оно крепче Сталинграда.

Макс промолчал.

Она была какая-то не такая. В этой одежде, в непривычной обстановке Инга преобразилась, словно в кривом зеркале, и это совершенно Макс не нравилось. Он не любил неожиданностей в том, что не касалось бизнеса. В бизнесе постоянно приходится идти на риск и выплывать, отталкивая лезущие в лицо обстоятельства, возникающие будто бы из ниоткуда; однако люди, которые на Макса работали, должны преподносить только приятные неожиданности. Только так и никак иначе.

Особенно его Инга, в его мире.

Макс вновь на нее покосился. Она сидела, нога покачивалась, как будто не кроссовка на ней, а туфелька, и вид у Инги был такой, словно она здесь своя. Как будто она все годы притворялась, а на самом деле являлась шпионом врага, подосланным в Максов мир. Мир, где не было места... всему этому: туристам, галдящим так, что уши закладывает, орущим и беснующимся детям, плохому кофе, отсутствующему «Далмору» (черт бы его побрал!), безвкусной одежде, книгам в мягких обложках. Макс снова посмотрел в айпад, где к тринадцати неотвеченным письмам прибавилось еще три. О-хо-хо, пронесло.

Макс, почти не думая, стучал по клавиатуре, пока не позвали на посадку – между прочим, задержавшуюся на добрые пятнадцать минут. В самолете легче не стало: пришлось пройти почти в хвост, умная Инга мгновенно устроилась у окна, а рядом с Максом плюхнулась конопатая личность мужского пола, лет десяти от роду.

² Один из самых дорогих сортов виски в мире.

– Ух ты, – сказала личность и сунула густо покрытый веснушками нос прямо в Максову рабочую почту, – это у вас айпад?

– Айпад, – согласился Амлинский.

– А игры на нем есть?

Благоразумное ледяное молчание пацана не остановило.

– А это что за значок? Ух, у моего друга Лешки есть айпад, но он мне не дает смотреть!

– Кирилл, отстань от дяди, – предложила женщина, которая затапливала сумки и пакеты в багажный отсек. Сумки лезли плохо, цеплялись углами. Из пакета высовывался почему-то свернутый плед.

– Ма-ам, вот какой айпад, как у Лешки, смотри!

Женщина глянула на планшет, на Макса и негромко сказала:

– Извините.

– Извинения принимаются.

– Кирилл, садись на соседний ряд.

– Ма-ам!

– Кирилл, сядь, пожалуйста.

– Максим Эдуардович, – предложила Инга, наклоняясь к нему, – если хотите, мы поменяемся местами.

– А как же чистота эксперимента? – не удержался от легкого ехидства Макс.

– Пострадает.

– Тогда сиди где сидишь.

Протестующего Кирилла переселили на соседний ряд, стало потише, и Макс выключил айпад, чтобы – как там верно сказано? – насладиться чистотой эксперимента.

Ладно, ничего страшного не творится, правильно? Это обычный самолет, только не бизнес-класс, вот и все. Старый, добрый, вождельный и недоступный нынче бизнес-класс. Так вот что происходит у тебя за спиной, когда ты в мягком просторном кресле, вытянув ноги, наслаждаешься хорошим обедом! Здесь их вытянуть некуда. Колени Макса упирались в спинку переднего сиденья и все норовили расползтись в стороны, поближе к чужим коленям, что беспардонно нарушало правила приличия. Ну ладно Инга, но незнакомая женщина, мать Кирилла, ничем такого близкого знакомства не заслуживала, и неприлично заставлять ее соприкасаться с чужим мужчиной. Макс завозился, сел прямо, вжавшись в спинку сиденья, и немного подумал о «железной деве» и других позитивных приспособлениях для лишения человека жизни и удовольствия. Самолеты «Аэрофлота», например.

Инга просматривала журнал, вытащив его из кармашка на кресле, а Макс смотрел в окно и думал о том, что все это можно было проделать как-то по-другому. Хотя поначалу идея казалась хорошей. Просто отличной она казалась, что уж там.

Две недели назад – кажется, это были две недели? да, верно, – где-то около полуночи, когда кофеварка исторгла из себя еще немного крепкого и черного, как ночь за окнами, кофе, Инга сказала:

– Максим, если ты не хочешь нанимать аналитика, мы его не найдем, вот и все.

Макс поднял голову от бумаг: последние полтора часа царило молчание, прерываемое только благородным бульканьем кофеварки и стуком клавиш, и ни о каком аналитике речи не шло. А Инга, видимо, все время думала.

– И что мы будем делать? Я не знаю этого сегмента рынка. Ты в курсе, как я не люблю лезть в то, чего не знаю.

– У нас два варианта. – Инга, сидевшая за своим столом, куда перебиралась во внеурочные часы, встала и прошлась по кабинету. Макс смотрел, как мелькает стройная нога в боковом разрезе юбки – таком деловом разрезе, который оставляет только изящный намек. – Либо ты забываешь о своей идее, что, как я понимаю, уже невозможно...

– Невозможно, – любезно подтвердил Макс.

– ...либо ты изучаешь этот сегмент самостоятельно.

– Инга, – сказал он, снял очки и с силой потер глаза, – я не понимаю, о чем у нас идет разговор. Я хочу вникнуть...

– Я и предлагаю тебе вникнуть, только не в цифры и графики. В них буду вникать я. Тебе нужно знать покупателя, вот и займись.

– Чем? Социологическими опросами?

– Нет, Макс. Сделай то, на чем ты построил компанию. Сидеть со мной и бумажками – это не твой стиль. – Она остановилась напротив, оперлась ладонями о блестящую столешницу. – Твоя задача – увидеть людей, составляющих новый сегмент. Погрузиться в среду полностью.

– Ты предлагаешь мне снять хрущевку и пожить в заспанном котами и подростками подъезде? – осведомился Макс иронически. Это был его единственный, лелеемый, плотно впечатавшийся в память образ обычной жизни низших социальных слоев. Мать формулировала это именно так, а отец молчал многозначительно и одобрял. Заспанный подъезд, в котором Макс сроду не приходилось бывать, иногда являлся ему в кошмарах. Под узкой, почему-то винтовой лестницей жили монстры, пожиравшие припозднившихся жильцов. Хотя Макс прекрасно знал, что ни в одной хрущевке винтовых лестниц нет. Типовая планировка, квартиры от тридцати до семидесяти двух квадратов, кухня не больше шести...

Но Инга, снежная королева, на провокацию не поддавалась.

– Нет, лучше. Я предлагаю тебе ассортимент.

Ассортимент, будь она неладна.

Они спорили тогда до половины четвертого утра, и Инга его убила. Вытурила из офиса, чтобы Макс «переспал с идеей», и оказалась права. Наутро он пришел, велел Инге заняться деталями, только уточнил, что она поедет с ним. В одиночку сражаться с чужим жестоким миром он не собирался... вернее, ему было скучновато делать это в одиночку на сей раз.

Самолет разогнался и взлетел, сразу заложило уши, неподалеку истошно заорал младенец. Младенцы и Макс тоже существовали раньше в отдельных мирах, а теперь вдруг оказались в одном. Слушая непрерывные вопли, немудрено было впасть в уныние. Конопатый Кирилл через проход тоже не дремал, что-то требуя у матери, до сих пор ни разу не повысившей голос. Хоть это радует: орущих женщин в непосредственной близости выносить еще тяжелее, чем младенцев. А, будь оно все... Макс расстегнул пуговицу на воротнике, посмотрел на хронометр: две минуты как взлетели, просто отлично. А кажется, два часа. А лететь, между прочим, три с половиной.

– Расслабься, – посоветовала Инга, не отрываясь от чтения, – все уже случилось. Сейчас принесут поесть, ты выпьешь, пообщаешься, и будет не так мрачно.

– Я не хочу расслабляться. Мы едем работать.

– Мы едем и отдыхать тоже. – Инга закрыла журнал и уставилась на Макса своими неправдоподобными голубыми глазами. – Все, самолет взлетел, парашют никто не даст. Я тебе сознаюсь: я об этом два года мечтала.

– О чем?

– О том, что ты наконец-то выйдешь из офиса и куда-нибудь поедешь, а я смогу это проконтролировать.

– Я летал в прошлом году на Маврикий.

– Я помню. И всю неделю просидел в номере, не выходя из почты и скайпа. Помню, как ты позвонил, официант на заднем плане сервировал стол, и я тебе очень завидовала – а тебе было все равно. Ты сдуешься, Макс. Ты уже почти сдулся. Давай ты не станешь гробить дело своей жизни только потому, что у тебя очередной приступ тотального контроля?

Иногда Инга бывала болезненно откровенной.

– Эй. – Макс пытался развернуться к ней, но тиски пыточного кресла держали намертво. Ремень впился в живот. – Я тебя об этом не просил, ясно?

– Конечно ясно. Меня и не нужно просить, я все сделала сама.

– Уволю, – пригрозил он.

– Увольняй. А пока мы будем играть в шпионов.

Она совсем его не боялась.

Вот это в ней всегда поражало Макса: то, что она его слушалась, но не боялась. Даже когда пришла наниматься на работу... когда же это было? Лет шесть назад? Столько не живут. Так вот, даже тогда Инга его не испугалась, хотя он с порога предложил ей убираться и не тратить его время. Очень уж тогда скверный выдался день.

Она не ушла, и иногда, в мерзкие минуты сентиментальности, Макс благодарил судьбу за это. В остальное, весьма прагматичное, время он просто полагал, что ему как работодателю повезло.

И он слишком хорошо об этом помнил, чтобы переступить черту.

– Ладно, – сказал Макс, откидывая кресло назад и все еще пытаясь устроиться удобнее, – шпионы так шпионы. Хотя у настоящего шпиона нормальный костюм, большой пистолет и «Астон Мартин».

– Мистер Бонд, на этот раз вы под прикрытием, – проинформировала его Инга.

– Что, даже стреляющей ручки не предусмотрено?

Она улыбнулась, наклонилась поближе, чтоб никто не услышал, хотя в самолете и так было шумно, и сказала:

– Если тебе неудобна наша шпионская легенда, лучше сказать об этом сейчас, пока у нас есть время придумать что-то другое. Можем все-таки назваться родственниками.

– Нас с тобой за родственников никто не примет даже в состоянии алкогольной интоксикации, – возразил Макс.

Чистая правда: они с Ингой были как позитив и негатив. Макс – высокий, худой, волосы темные и жесткие, как обувная щетка, а Инга – изящная, будто из слоновой кости выточенная, с пушистыми белокурыми локонами до лопаток. На работе она закалывала их в строгий пучок, однако Макс прошел с нею уже достаточно корпоративов, чтобы все оценить по достоинству.

– Если назваться братом и сестрой, нас засмеют даже тараканы в номере.

– В номере не будет тараканов.

– Не поверю, пока не проконтролирую сам.

Инга вздохнула:

– Хорошо. Я надеюсь, что это не причинит нам обоим неудобств и ты вынесешь мое непосредственное присутствие не только в стенах офиса.

– Я тоже надеюсь, но, думаю, это наименьшая из наших проблем. Помнишь тот случай? Ведь тогда все было в порядке.

Она покивала и задумчиво произнесла:

– Я надеюсь, проблемы остались в Москве.

Макс считал, что они только начинаются, однако он сам согласился с тем, что результат стоит подобных усилий. Пятиться как рак – это не принцип. Принцип – отвечать за свои слова. К тому же часть проблем действительно осталась в Москве, только Инге об этом знать не следует. Она радуется, и это хорошо. Есть вещи, которые женщинам говорить не нужно.

Стюардесса, улыбаясь, прокатила мимо тележку с едой и напитками, и у Макса немедленно улучшилось настроение.

2

Всякая перемена прокладывает путь другим переменам.

Аэропорт имени Леонардо да Винчи, в просторечии называемый Фьюмичино, звенел голосами и электронными вздохами, предваряющими объявления. После выхода из самолета Макс нацепил темные очки и не снимал, и Инга, сначала решившая дать ему совет так не делать (предстояло еще пройти паспортный контроль), сдержалась и промолчала.

После обеда, поданного в самолете, Макс немного подобрел, хотя до сих пор напоминал Инге нахохлившегося ворона Жору. Ворон Жора жил на соседском участке в Савельеве, считал себя хозяином улицы, а по сути являлся рэкетиrom. Если Жоре ничего не дать, когда он являлся перед светлы очи, то сначала он некоторое время сидел, нахохлившись, а потом отправлялся творить гадости. Обкусывал с грядки незрелую клубнику, продавливал ключом полиэтилен на теплицах, подкрадывался к сонному Акбару и с размаху клевал его в зад. Акбар взвизгивал, долго лаял, метался, гремя цепью, а Жора сидел неподалеку, склонив голову, и ждал. Если ему никто так ничего и не выносил, он опустошал собачью миску.

Макс в чужие миски, к счастью, не лазил: слишком воспитан и брезглив. Зато нахохливался он виртуозно.

Паспортный контроль, как ни странно, был пройден без эксцессов, и после получения багажа они вышли в гулкую зону прилетов. Инга сверилась с выданной в турагентстве распечаткой, однако логотип фирмы, маячивший неподалеку, опознала без труда. Встречавшая пассажиров худенькая девушка с короткой стрижкой объяснила, что нужно собраться небольшой кучкой, и тогда их сопроводят к автобусу.

- Небольшая – это внушает оптимизм, – заметил Макс.
- Мне не хочется тебя разочаровывать, но...
- У нас что, большая группа?
- Человек сорок.

Он промолчал, но Инга могла представить, что Максим подумал. При ней он не выражался никогда, однако временами она слышала, как Макс ругался с заместителями, в его лексиконе имелись некоторые слова из подворотни. Правда, и их он произносил так, будто читал Уайльда в оригинале.

Что поделаешь? Оксфорд...

Группа человек в десять собралась, и другая девушка вежливо пригласила пойти за ней. Инга мысленно согласилась с таким раскладом: транспортировка туристов к автобусу не всей группой, а частями относилась к успехам логистики. Турист – зверь ненадежный: тут отвлекся, там засмотрелся, кофе ему надо купить, сувенирчик глянуть, оп – и нет туриста! И возвращаясь за ним, обегай все улицы, а потом обнаружь его мистическим образом прибывшимся обратно к стаду, которое теперь возмущено тем, что его бросили! Ну и, конечно, часть брошенных уже успела утешиться тем, что разбрелась по ближайшим магазинам. Инга не впервые ездила с тургруппами и знала сценарий назубок. Жесткий контроль и никаких поблажек – вот что спасет отца русской демократии, сиречь успешного гида.

Максу же все было в новинку. Он явно справился с неудовольствием, вспомнил, что сам одобрил это решение, сделал пару дыхательных упражнений и скоро уже начнет задавать вопросы. Инга молчала, не надоедала ему. Она вообще редко заговаривала с ним просто так, без причины.

Макс этого не любил. Он был человек дела – во всяком случае, двенадцать часов в сутки: тот минимум, который он проводил на работе. В остальное время Инга его почти не

видела, хотя бывали исключения, корпоративные праздники или дела, которые относились к Максовой личной жизни, а не к рабочей. Впрочем, последнее случалось нечасто.

Туристическая фирма «Эол» римской группе выделила автобус позитивный, желтенький, с рисунком во весь бок: силуэты столичных крыш, а над ними – восходящее солнце. Красота неимоверная. Мини-группу сдали с рук на руки сопровождающему, чемоданы обрели свое законное место в широко распахнутом автобусном нутре, а Инга следом за Максом забралась внутрь. Там уже былолюдно, шумно, чьи-то дети кидались конфетами. Макс прошествовал в конец салона и уселся у окна.

Инга оценила: держится, но кто его знает, как дальше пойдет. Макс не любил толпу вокруг себя, людей в свою фирму подбирал похожих на себя – если внутри и эмоциональных, то умеющих прекрасно сдерживаться. Поэтому когда Инга пришла в «Эол» заказывать этот тур (услугами данной фирмы пользовались уже не первый год), то шокировала до глубины души добрую знакомую Зою, объявив, что на этот раз Макс Амлинскому не нужен съют в отеле с закрытой территорией, подальше от любой цивилизации, на острове, где в лучшем случае три туземца и бананы, которые, как известно, общаться не умеют. И бизнес-класс ему не нужен. Нужна обычная туристическая поездка.

– Э-э... индивидуальный тур? – спросила Зоя осторожно. – А машину заказывать? Если Рим, то там есть прекрасная компания, подгоним лимузин...

– Никаких машин, – сказала Инга, – вместе со всеми, на автобусе.

– Макс Амлинский – на автобусе?!

Шеф был личностью достаточно примечательной, чтобы вопрос прозвучал очень, очень изумленно.

– Нам нужен простой народ, – усмехнулась Инга, – в этом задумка.

– Знаешь, некоторые у нас ездят в сафари на крокодилов, – протянула Зоя, – но эта затея мне кажется экстремальнее! Ладно, Ингуш, на твой страх и риск.

Риск был немаленький, но Макс являлся человеком слова. Если решился – значит, решился. И сейчас он вроде бы нормально отнесся к тому, что вокруг него множество неконтролируемых, незнакомых людей, с которыми придется провести несколько дней в непосредственном контакте.

Амлинский – это в некотором роде не человек, а ваза династии Мин. Что поделаешь.

– Ты же бывал в Риме, верно? – спросила Инга, пристраивая сумочку на полку и усаживаясь рядом с Максом.

– Мне было семнадцать, отец прилетел сюда на деловую встречу, и все, что я видел, – это отель и улицы из машины. Поэтому, конечно, Рим я знаю досконально.

– Сочувствую.

– А ты бывала, да? – вдруг спросил он.

Инга кивнула.

– Дважды. Первый раз с родителями, во второй – с сестрой и мамой. – Она знала, что ему это интересно, хотя вслух он вряд ли бы признался. Все то, что Макса не интересовало, он обрывал мгновенно или, если вежливость перевешивала, – как только изобретал предлог. – Мы тоже ездили с группами. У меня коммуникабельные родственники.

– Не представляю, как можно добровольно на это пойти. Наш с тобой случай особый.

– Твой случай особый, Максим.

– Не надо притворяться. Мы с тобой одной крови – ты и я. Давай держаться друг друга в этом царстве гиен и лиан.

Он уже шутил, а значит, начальственный гнев откатился, словно майская гроза. Инга немного расслабилась.

– Ты же знаешь, что это не так. Вернее...

– Я знаю, что ты скажешь, – оборвал ее Макс, – что ты на самом деле из другого социального слоя и ты сама себя сделала. Все так. Ты поднялась, не пожелав оставаться внизу. Я уважаю твою привязанность к семье, хотя и не всегда понимаю, однако в свое свободное время ты можешь делать что угодно. Если бы ты не хотела оттуда сбежать, ты бы так не работала. Поверь мне, я разбираюсь в людях, Инга.

Это было самое большое заблуждение Максима, его самая большая иллюзия, разрушить ее казалось Инге кощунством. Она готова была грудью на амбразуру лечь, лишь бы Макс никогда этой иллюзии не лишился – или обрел под нею настоящее основание. Но все шесть лет она работала на него, поддерживала его воздушный замок и его успешный бизнес не потому, что так уж хотела вырваться из мира, где родилась. Совсем не потому.

– А вот и последние, – сказала Инга, кивая на шествующую к автобусу очередную маленькую группу. – Скоро поедем.

– Надеюсь.

День выдался суматошный: сборы, перелет, теперь надо бы заселиться и поужинать – уже смеркается. Инга ощущала себя немного непривычно, хотя не в первый раз была с Максом в поездке, и сколько бы он ни настаивал на том, что это – деловая командировка, поверить в такое сложно. В командировку Инга собирала совсем другие вещи.

Автобус заурчал и тронулся с места, проплыли мимо стоящие рядками автобусы-братья, засновали деловитые машинки, и вот уже впереди сияет огнями шоссе, и обычное приятное предчувствие закрадывается в душу.

Инга любила этот момент – начало поездки. Его нельзя было упустить, нельзя ничем заменить, тем более если это такой город, как Рим.

Оказалось, что некоторые могут.

Макс достал айпад, включил и застучал по экрану.

– Приличного вай-фая нет...

– Максим Эдуардович, – сказала Инга, – вы позволите небольшое самоуправство?

– Что такое?

Она аккуратно взяла из его рук айпад, выключила, закрыла обложку, встала и сунула к себе в сумку.

– Это слишком, – произнес Макс холодно. Он ненавидел, когда без спросу трогают его вещи, и Инга об этом прекрасно знала, но приходилось идти на риск.

– Нет. – Она села и повернулась к Макс. Следовало вести разговор на языке его племени. – Максим Эдуардович, давайте договоримся. Вы доверились мне в организации этого мероприятия. Вы посчитали меня компетентным специалистом в этом вопросе. Вы мне доверяете как ассистенту. Я очень вас прошу постараться вникнуть в то, что я делаю и почему. Наша задача – познакомить вас с будущими потенциальными клиентами, вы желаете понять их, осознать их потребности и нужды до того, как проект будет запущен. Я это всецело поддерживаю и приложу все усилия, чтобы вы достигли цели. Пожалуйста, не мешайте мне. Я работаю для вашего блага и блага компании.

– Инга Михайловна, если мы перешли на «вы», значит, дело и вправду серьезное?

– Да, Максим Эдуардович.

Он подумал (действительно подумал!), Инга ему не мешала, затем кивнул:

– Хорошо. Я постараюсь не подозревать вас в злоупотреблении. Вы никогда этого не делали и, конечно же, не делаете сейчас. Просто... – он криво улыбнулся, – для меня это чуждая среда, я несколько... напряжен, но я постараюсь, Инга.

– Договорились, дорогой.

Макс странно на нее покосился, потом понял:

– А! Наша легенда.

– Обсудим ее в номере или за ужином. Сейчас посмотри в окно, пожалуйста.

Он повернулся к окну, а Инга тихонько выдохнула. Манипуляция – не зло, когда ты ведешь человека к добру и свету, правда же? Он просто не понимает. Когда Инга впервые оказалась там, где ходят суровые стражи небес, тоже чувствовала себя неуютно. Еще как! И ведь приспособилась, научилась скользить среди воинов, пирующих за громадными столами. Они посчитали ее своей. Они посчитали ее валькирией. А она предложила одному из них спуститься в Мидгард. Конечно, он хочет запустить в нее боевым молотом.

За окном проплывал вечерний Рим – еще только пригороды, залитые оранжевым сиянием фонарей, убегające в освещенную даль улицы, крыши, четко вырисовывающиеся на фоне бледного неба, которое не подсластил удивительно скромный нынче закат, – но уже этого было достаточно для того, чтобы помолчать, просто глядя в окно. Автобус ехал по проспекту, застревал в пробках, выпутываясь на свою полосу, ожесточенно боролся за место на светофоре и давал возможность посмотреть на Рим – такой, каким он не притворяется перед приезжими. Живой, настоящий Рим.

Нет, Инга любила могучие крепости, исторические музеи и колоритные развалины. История сделала нас такими, какие мы есть, и глупо ее игнорировать. Древняя архитектура была интересна Инге также в силу профессии и рода занятий, хотя эту недвижимость никто продавать и покупать не собирался: исторические объекты давным-давно пригребло государство. Но все же история, к которой допускали по билетам, оставалась неживой, она застряла в прошлом, как насекомое в янтаре. А настоящий город – это живущие в нем люди. Надо как-нибудь объяснить это Макс, который сидит и честно смотрит в окно.

Гостиница располагалась в районе центрального железнодорожного вокзала – Термини. Ничего выдающегося: достаточно большая каменная коробка, способная вместить огромное количество приезжих. По прибытии выяснилось, что у группы есть свой координатор, симпатичный мужчина лет сорока по имени Алексей. Он каким-то непостижимым образом умудрился всех выстроить в холле и заставить замолчать, после чего представился и изложил план действий.

Термини – железнодорожный вокзал, за размеры и распахнутые громадные двери прозванный местными жителями «динозавром». Отсюда осуществляется сообщение с севером Италии и альпийскими столицами, включая Париж и Вену. Здание облицовано травертином.

– Для начала – для тех, кто хочет сегодня же передвигаться по Риму: помните, что метро открыто с половины шестого утра до половины двенадцатого вечера. Римское метро простое, всего две ветки, третья, музейная, пока еще достраивается. Билеты можно купить в автоматах, самый простой, на одну поездку, стоит полтора евро. В метро по этому проездному можно прокатиться только раз, а на остальной транспорт он действителен в течение ста минут с момента, когда вы его прокомпостировали. В первый раз не советую рисковать и пользоваться общественным транспортом, если только вы не ориентируетесь хорошо в незнакомом городе или уже бывали в Риме. В противном случае велика вероятность уехать в жилой район, выйти в незнакомом месте и тут же потеряться. Такие случаи бывали, я предупреждаю всех.

Несколько человек засмеялось.

– Поэтому если вы намерены передвигаться по городу, но карта метро вам непонятна, возьмите такси. Можно заказать машину в отеле или дойти до стоянки, большой разницы в цене нет. Голосовать почти всегда бесполезно: водителям такси запрещается подбирать пассажиров у края дороги, но стоянок по городу множество. Цена зависит от того, куда вы отправитесь, и в ночное время тарифы повышаются. Поэтому рекомендую от дальних поездок до завтрашнего дня воздержаться... Сейчас вы все регистрируетесь, получите ключи от номеров. Как вы знаете, ужин не входит в стоимость тура, вам нужно найти ресторан

самостоятельно или поесть здесь, в отеле, тут неплохое меню. Завтра состоится пешая обзорная экскурсия в Ватикан, собор Святого Петра, замок Сан-Анджело и далее по старой части города. Я – ваш координатор, сейчас раздам вам визитки с моим телефоном, по всем вопросам обращайтесь, пожалуйста, ко мне или к нашим гидам. Их двое: Анна будет вашим экскурсоводом завтра, Кристина – через два дня. У всех ли есть распечатка программы?.. Так, хорошо. Тогда, пожалуйста, подходите ко мне по очереди, я буду помогать вам с регистрацией и выдам карту города.

С 2011 года взимается налог на проживание в Риме. Его размер зависит от звездности отеля и обычно составляет 2 – 3 € в день.

Вырученные средства поступают в городской бюджет на развитие туризма.

Тут же, естественно, началось столпотворение.

– То есть как это – нет ужина? – прогудела дородная мадам, сопровождаемая теще-душным мужичком. Какая классика, Инга даже залюбовалась. – Мы что, с голоду помирать должны? И так кучу денег отвалили!

– Я не понял! – тянул руку долговязый парень в очках. – А послезавтра у нас день ничем не занят, что ли? А если я раньше хочу пойти в Колизей?

– А завтраки здесь хорошие?

– Номера твин или дабл? Нам обещали, что будет твин!

Инга покосилась на Макса: тот стоял, смотрел не отрываясь и даже очки, съехавшие вниз, почти на кончик носа, не поправил.

– Неужели ты совсем дикий? – спросила его Инга. – Никогда не приходилось видеть такое в вестибюлях?

– Я проходил мимо, не задумываясь.

– Максим, ты инопланетянин.

– Угу, – согласился он рассеянно. – Я не хочу толкаться. Давай подождем.

Они отошли в сторону; Алексей в центре бурлящей толпы походил на скалу в штормовом море. Стоял он незыблемо, и потихоньку волны начинали расходиться, успокаиваться. Сотрудники отеля, привычные к массовым заездам, оперативно всех регистрировали и выдавали ключи. Алексей называл имена и фамилии. До Инги с Максом он дошел почти в самом конце – видимо, список был составлен по очереди бронирования тура, а Инга сделала это всего за пару недель.

– Амлинский и Литвина!

Они подошли к стойке, получили карту, два электронных ключа и еще раз – короткий инструктаж и покатали чемоданы к лифту.

– Номер триста тридцать три, – сказала Инга, державшая ключи. – Это на удачу.

– Суеверия – пережиток темных времен.

– Иногда можно.

Пришлось долго идти по коридору, попетлять немного, прежде чем искомый номер обнаружился. Цифры «333» латунно поблескивали на двери. Инга открыла ее, вошла и включила свет, сунув карточку в крепление на стене. Неплохо.

– О господи, – сказал у нее за спиной Макс, – здесь же развернуться негде!

Номер был довольно просторен и мил: большой коридор с платяным шкафом, сверкающая белизной и охрой ванная (естественно, на плитках античный орнамент), комната с двумя раздельными кроватями, телевизором и мини-баром. Для отеля такого уровня очень, очень прилично, особенно учитывая район и наплыв туристов.

На столе стоял небольшой и скромный букетик, при виде которого Макс чихнул.

– Я же просил – никаких цветов в номерах!

– Не в этом мире, – сказала Инга, поставила чемодан и взялась за вазу. – Цветы я уберу. Располагайся.

Она вышла из номера, прихватив ключ, и понесла вазу к дежурному. Милый жест со стороны отеля, конечно, однако не в данном случае. Макс – жесточайший аллергик, и, хотя проходил курс лечения, легче ему стало совсем ненамного. Аллергия у него была на все, что цветет и бегаёт: кошка, черепашка, милый одуванчик в полях или роскошный букет роз – Макс без разницы, а потому он ненавидел всю природу совершенно одинаково – справедливо.

Иногда он все-таки рисковал и возил своих случайных девушек на тропические острова, набив чемодан антигистаминными препаратами. Как ни странно, в тропиках аллергия немного отступала, не успевала, видимо, приспособиться к непривычным условиям: «Ой, хозяин, ты вывез меня на природу!» Естественно, в Москве этой природы днем с огнем не сыщешь. Может, поэтому Макс и жил в столице. Работа – в коробке из стекла и бетона, личная жизнь – точно в такой же, где даже завалящего кактуса не найдется, а из живности – очередная случайная девушка с ее капризами, длинными ногами и косметикой. На некоторую косметику и парфюмерию у Макса тоже была аллергия, и Инга вот уже пять лет в рабочее время пользовалась одними и теми же духами, которые совершенно точно не раздражали слизистую босса. На что не пойдешь ради карьеры!

Когда Инга возвратилась, объяснившись с дежурным и сдав вазу на хранение, Макс уже успел развернуть полевой штаб: включил ноутбук, подсоединил к сети планшет, выложил рядом мобильный телефон, зарядку для одного, молескин и электронную записную книжку и приготовился, кажется, провести время с пользой. Чемодан стоял нераспакованный.

– Максим Эдуардович, – сказал Инга.

– М-м?

– Нет.

– Что – нет?

– Нет, вы не будете отвечать на письма. И не станете звонить Илье и Рязанову. И заглядывать в Новомалеевку тоже не нужно. Вы переоденетесь, и мы пойдем ужинать.

– Минуточку...

– Нет.

– А, Инга, черт! Это же срочно. Ладно. Дай мне пятнадцать минут.

– Пять.

– Восемь.

– Договор скреплен.

Это была их секретная фраза – окончание спора, примирение, компромисс. За годы совместной работы выработалась лаконичная система, которая позволяла им друг друга понимать. Хорошо, когда есть желание идти навстречу; плохо, когда приходится брать нужное силой. Инге еще ни разу не приходилось переламявать Макса, как и ему – ее. Слишком велика была их взаимная заинтересованность в том, чтобы дело шло к успеху.

Все когда-то случается впервые.

Пока он работал, Инга переоделась в ванной, выбрав льняное платье до колен и босоножки на низком каблучке, заново расчесала волосы и собрала их в хвост. От офисной элегантности не удалось избавиться до конца, но Инга всегда была такая. Она иногда по доброму завидовала сестре, которая могла носить безумные майки, бесформенные брюки, туфли на невообразимом каблучке, немыслимые дизайнерские платья и выглядеть при этом потрясающе. Холодный северный тип Инги, породой удавшейся в прибалтийскую бабушку, предполагал сдержанные тона и изящные фасоны, и даже в отпуске она не изменяла своей привычке. Этот стиль нравился ей, однако иногда она позволяла себе покупку глубоко суге-

нирной майки, которая развалится после третьей стирки, но в которой можно щеголять на участке в Савельеве – и никто не осудит.

Если бы Макс ее в таком увидел, он бы свой паркер проглотил.

Босс честно выполнил свою часть договоренности: ровно через восемь минут закрыл ноутбук, открыл чемодан, сменил рубашку на белую футболку и льняной пиджак и сказал, что готов. Инга его не пинала: хорошо хоть, запонки снял. Перед отъездом она составила для Максима специальный список одежды, кое-что Амлинский позволил ей купить, дабы не выделяться среди туристов. То, в чем обычно рассекал Макс, для поездки такого рода не годилось. В Европе все по-другому, а в Москве по одежке судят в первую очередь, и Макс чудесно знал правила игры. В общем-то, только их он и знал в совершенстве, во что одевался весь остальной мир, его не интересовало. Когда он выезжал за границу, то брал с собой одни костюмы, когда ездил по России – другие. Но все это было отменного качества, превосходного дизайна, и эти дорогие вещи никак нельзя было принять за купленные в магазинах среднего класса, никак и никогда. Инга отчетливо видела разницу.

Ей не было смешно ни минуты, когда дело касалось поведения Макса. Может быть, потому, что он не вел себя забавно, не рисовался, не капризничал, на самом-то деле. Макс не походил на ребенка – он был убийственно, по-взрослому серьезен всегда. Его недовольство – раздражение при столкновении с неприятным, его понимание жизни – единственно правильное, и никак иначе. Так полагал он сам и виртуозно убеждал в этом всех окружающих. Даже Ингу едва не убедил.

Хотелось на волю, гулять и есть. Есть даже больше. Инга еще раньше решила, что Макса следует загружать впечатлениями постепенно, и заранее выбрала место, где можно будет посидеть вечером.

3

*Государю нет необходимости обладать всеми добродетелями,
но есть прямая необходимость выглядеть обладающим ими.*

Они вышли на улицу, полную чужих запахов и звуков; сигналили машины, ходили люди, и Макс поинтересовался:

– Возьмем такси?

– Нет, пройдемся так. Здесь совсем недалеко до площади Республики, а там есть ресторан, который тебе понравится.

– Хм. – Он не стал спорить, подставил локоть, и Инга положила свою ладонь на его руку.

Они неторопливо пошли в указанном ею направлении – обычная пара, которых кругом пруд пруди. Вечерний Рим пах щемяще и уже знакомо: остывающей брусчаткой, готовящейся едой, пылью. Район вокруг Термини заполняли в основном здания, переделанные под отели, и Макс заинтересовался вдруг, рассматривал фасады, приостанавливался, заглядывая в лобби. Инга его не торопила. Он художник, пускай своеобразный, но художник – она и рассчитывала, что боссу станет интересно.

– *Cognosce stilum curiae romanae*³, – сказал наконец Макс. Иногда он говорил фразы на языках, которых Инга не знала, и наотрез отказывался переводить. – Помнишь особняк в Синей Роже? Вход был похоже сделан.

– Зато внутри – оскорбление всем римлянам, я полагаю. У хозяйки отсутствовало чувство меры.

– Римляне, к счастью, этого не видели... Хм. Прекрасный барельеф.

Максим отмечал детали, фиксировал их, как сыщик из мультфильма про Бременских музыкантов, – а нюх как у собаки, а глаз как у орла! Инге временами казалось, что у Макса действительно фотоаппараты в зрачках. Он прекрасно запоминал все, что касалось архитектуры, мог через несколько лет с точностью описать, какой дом видел однажды мельком у черта на куличках. Инга не сомневалась, что барельефы, фонари в кованых намордниках и арка над дверью в стиле ар-нуво, внезапно тут увиденная, тоже окажутся в бездонной копилке знаний и когда-нибудь пригодятся. Не ему, так кому-то еще. Например, проектировочному отделу, который в их компании давал будущим владельцам домов и квартир консультации по внутренней и внешней отделке.

Неторопливо дошли до площади Республики, аккуратно обойдя участок тротуара, где шло строительство (реставрировали старинный дом), и Инга потянула Макса налево.

– Здесь.

– Вот в этом отеле мы должны были жить, – сказал он с некоторой грустью, но уже без раздражения.

Здание плавно изгибалось, радуя глаз великолепной арочной аркадой; на той стороне площади подсвеченные древние стены и купол базилики, построенной на месте античных терм, словно открывали окно в другой мир, куда сегодня еще можно не заглядывать, но завтра – обязательно. Или послезавтра, как сложится. Инга не стала тянуть туда Макса, а повернула в отель, где и располагался уютный и просторный винный бар.

В баре было тихо, играла приятная музыка – кажется, что-то из американских хитов семидесятых. Официант провел Ингу и Макса к столику, стоявшему между двумя отделанными деревом колоннами, принес меню в солидной, хорошо пахнущей кожей обложке. Ска-

³ Узнаю стиль римского двора (лат.).

терти накрахмаленно хрустели, приборы были так чисты, словно их тут обронули ангелы. Макс едва заметно улыбался, выбирая блюда, заказал бутылку вина, ассорти закусок. Жизнь для него явно налаживалась.

Базилика Санта-Мария-Дельи-Анджели-э-Дей-Мартири – действующая церковь, возведенная на руинах терм Диоклетиана, посвященная Богородице, ангелам и мученикам в Риме. Украшена античными колоннами и орнаментами. Часы работы: понедельник – суббота 7.00—18.30, воскресенье 7.00—19.30. Вход свободный.

Национальный музей Рима – расположен за базиликой и руинами терм. В нем находится одна из самых обширных в городе коллекций античной скульптуры, саркофаги, фрески и мозаики. По билетам в музей можно посетить также и сохранившиеся помещения терм Диоклетиана. Часы работы: вторник – воскресенье 9.00—19.45. Цена билета: 7 €.

– Мне нравится это место, – сказал Макс, когда заказ был сделан. – Предлагаю переселиться.

Сейчас он уже совершенно точно шутил.

– Мы можем приходить сюда, если захочется, – заметила Инга, – однако нам надо завести знакомства, ты не забыл?

– Поверхностной оценки будет достаточно.

– Нет, Макс, не совсем. Ты профессионал, значит, доведешь дело до конца. Зачем я озвучиваю очевидное?

– Потому что мне нужно это услышать.

– Совершенно верно.

Принесли вино; Макс попробовал, одобрил, кивнул. Алая жидкость горела в бокалах рубиновой тайной, и Инга подумала вдруг, что в такое вино Борджиа подсыпали яды, дабы избавиться от неугодных. Может, то вино было темней и гуще, но светилось так же – виноградной кровью, обещанием забвения.

– Это того стоит, – произнес Макс задумчиво. – Не знаю, в чем заключался подвох, однако ты оказалась права. Смена обстановки и круга – достаточная встряска, чтобы я начал думать в нужном направлении, мозговой штурм будет построен на хорошем основании. К тому же я давно не испытывал культурного шока от соприкосновения с собственно культурой. В последний раз это был Гент.

Инга кивнула. Макс летал на деловую встречу, и внезапно рейс задержали на три часа, и он отправился пройтись по городу. Непрерывно слал ей снимки с планшета с пометками: «Это посоветовать Острогову», «Может, подкинем проектировщикам идею?», «Посмотри, какая феерическая ересь». Надо сейчас убрать куда-нибудь его планшет, в унитаз спустить, что ли? Чтобы полученные впечатления стали живыми, хрупкими, не пойманными в жесткие тиски кадра. Неповторимыми.

Максу не хватало как раз понимания быстротечности жизни. И Инга не знала, учатся ли такому.

Она собиралась просто показать ему Рим.

Они прекрасно посидели в ресторане и, закончив десертами и кофе, вышли в вестибюль отеля. Здесь шла такая привычная жизнь, что Инга даже пожалела на секунду о своей идее познакомить Макса с другой стороной вселенной. Все-таки в дорогих местах он смотрелся на месте.

– Максим! Это ты? Вот так встреча!

Голос был мелодичный, и принадлежать он мог только настоящей красавице. Инга медленно повернулась.

Эту девушку она знала – как и всех девушек Макса, которых, впрочем, за годы знакомства было немного. Он встречался с женщинами не очень долго, не брал на себя никаких обязательств и не стремился свить гнездышко. Выбирал в основном девушек своего круга, причем не гламурных дурочек с накачанными коллагеном губами, а образованных, сдержанных, неглупых. И Валерия была из таких.

Она шла к ним по сверкающему полу – в хрустальных туфельках, в элегантном платье нежного абрикосового цвета, с тщательно уложенными волосами, блиставшими оттенками шоколада и огня. Великолепная женщина, которая может достаться не каждому. Амлинский встречался с нею года два назад.

Валерия легко поцеловала Макса в щеку, поздоровалась с Ингой, та поздоровалась в ответ.

– Вы здесь по делам?

– Можно сказать и так, – туманно выразился Макс. Он превосходно умел держать лицо, и кто его разберет – огорчен он этой встречей или рад ей?.. – А ты?

– Приехала отдохнуть на несколько дней. Максим, если захочешь, то присоединяйся ко мне и моим друзьям. – На Ингу она больше внимания не обращала: конечно, ведь та просто наемная сила. – Мы сняли виллу в Остии, тебе должно понравиться. Никого лишнего, все свои. Когда закончишь с делами, приезжай, я скажу тебе адрес. Или поехали завтра, все вместе? Ты ведь остановился в этом отеле?

Макс покачал головой.

– Нет, Лера, боюсь, я не смогу принять твоё предложение. Извини.

– Жаль. – Она пожала плечами, и абрикосовая ткань колыхнулась, на мгновение четче обрисовав грудь. – Но мы ведь можем вместе позавтракать, не так ли? Я хотела бы расспросить тебя о новостях, о твоих родителях...

– Мы не живем в этом отеле.

– А где же? На Виа Венета или в «Астории»?

– Здесь, дальше по улице, рядом с Термини.

– Ты живешь рядом с вокзалом?

– Всем нужно где-то жить, Лера.

Она вздохнула, легко коснулась руки Макса.

– Я и не думала, что встречу здесь тебя, – сказала Лера, чуть понизив голос, словно очерчивая невидимую линию вокруг себя и Амлинского и оставляя Ингу за ней. – И, признаюсь, сильно удивилась. И в то же время... Я вспоминала о тебе недавно. Нам многое нужно обсудить, теперь, по прошествии времени... Тебе так не кажется?

– Может быть, но не сегодня. Извини, Лера, у нас был длинный день, и я хотел бы проводить Ингу в отель. Я не смогу присоединиться к тебе, однако желаю хорошо отдохнуть.

– Если передумает, то мой номер остался неизменным, – сказала она, чуть улыбаясь, словно ее совсем не огорчил отказ. Может, так оно и было, однако Инга в подобный вариант не слишком-то верила. Такие женщины редко отпускают добычу. – Всего тебе хорошего, Максим.

– И тебе.

Валерия ушла, покачивая бедрами, а Макс и Инга двинулись на выход.

Вечерний воздух еще сгустился, запахи стали резче и насыщеннее, стало прохладней, однако сильно замерзнуть было невозможно. Да и идти совсем недалеко. Они свернули за угол, и Макс ругнулся: два фонаря, раньше исправно светившие, не горели, а пройти мимо дома, охваченного со всех сторон реконструкцией, как пожаром, и при дневном-то свете не очень удобно. К тому же в кармане у Макса громко пикинул мобильник: пришло сообщение.

– Прости, одну секунду.

Он остановился, достал телефон, и Инга мельком увидела имя: Валерия Белинская. Ну конечно. Что и требовалось доказать.

– Я не хочу тебе мешать, Макс, но может быть, мы пойдем в отель или ты хотя бы прочтешь сообщение там, где светлее?

– М-м? – Он не слушал, читал. Sms, видать, длиной с Великую хартию вольностей. Инга потянула Амлинского вперед, и он пошел рассеянно, и тут над их головами грохнуло, словно настал день Страшного суда и черти явились по души грешников.

Глаза уже привыкли к полутьме, к тому же Ингу не покидало странное тревожное чувство, а потому она инстинктивно сделала несколько быстрых шагов вперед, таща за собой Макса. Вовремя. Грохот повторился, и сверху на тротуар, по которому они только что прошли, грянулась одна здоровенная труба, потом вторая, а за ними – ведро с засохшей краской, от удара об асфальт крякнувшее, как спелый арбуз. Только тогда Макс изволил оторваться от телефона. Амлинский оглянулся и замер.

Заорали сигнализациями припаркованные рядом машины, послышались крики, кто-то уже спешил к месту происшествия. Инга задрала голову, но ничего не увидела: верхние этажи здания тонули во тьме. Вот если бы фонари горели...

– Я же говорила, – произнесла она чуть дрогнувшим голосом, – что нужно ходить быстрее. Итальянцы такие... беспечные. – Это было самое слабое определение в адрес разгильдяев, которые оставляют незакрепленными тяжелые предметы на высоте. Зная итальянскую безалаберность, можно предположить, что все это грохнулось потому, что на криво лежащие трубы просто сел голубь.

– Прошу прощения, что я тебя не послушал.

– Нам повезло, что мы уже прошли этот участок.

– Нам повезет еще больше, если мы сейчас уйдем. – Макс развернул Ингу и решительно зашагал в сторону отеля. – Не желаю объясняться с местными.

– Макс...

– Все, разговор окончен, – бросил он резко, и Инга умолкла, не понимая, что на него нашло.

Неужели... испугался? Да нет, Амлинский трусом никогда не был, трус не играет в хоккей! Вот она испугалась немного, правда, задним числом. Трубы и ведро грохнулись достаточно далеко, никакой реальной опасности не было, и все же выплеск адреналина имел место. А Макс не из пугливых, видимо, не захотел, чтобы ему задавали вопросы. Нужно в следующий раз пойти другой улицей. Инга оглянулась на ходу, но они отошли уже достаточно далеко, и ничего толком не разглядеть. Автомобильные сигнализации умолкали одна за другой.

– Вот так и не знаешь, когда кирпич упадет, – невесело пошутила Инга, когда зашли в лифт и молчать уже не хотелось.

– Ты о бренности бытия?

– О нем, хрупком и прекрасном.

– На сей раз миновало, значит, вселенной мы еще зачем-то нужны. – Шеф помолчал и спросил все-таки: – Испугалась?

– Немного.

– Сейчас ляжешь спать, а наутро все забудется.

Он вроде ничего особенного не сказал, однако на душе сразу стало легче. Подумаешь, ведро с краской... Пролетело мимо – и черт бы с ним!

В номер возвратились около половины одиннадцатого. Пока Инга разбирала чемодан, Макс успел сходить в душ и залезть под одеяло; когда она вышла из ванной, он уже спал, накрывшись с головой и немыслимым образом расположив подушку. Вот и хорошо.

Утро началось со звонка будильника, теплых водяных струй и тщательного выбора наряда: Инга не собиралась чувствовать себя неудобно. Она деликатно посоветовала Максу надеть кроссовки, а не ботинки, в которых он прилетел вчера, и светлые джинсы вместо темных, а поверх футболки накинуть клетчатую рубашку, купленную специально по случаю. Инга добыла это чудо текстильной промышленности спустившись в переход, у ближайшей торговли, и была поэтому стопроцентно уверена в подлинном китайском происхождении. Макс смотрел на рубашку, прищурившись.

– Я шпион, – пробормотал он в конце концов и – надел.

Так они и спустились к завтраку: «китайский» Макс и Инга в легкомысленных укороченных джинсах с нашлепкой на попе в виде бабочки, в топике и кофточке от соседнего переходного производителя – корейца какого-то. В ресторане уже толпился народ, шведский стол подвергался тотальному разграблению. Выбор оказался на удивление приличным, что нетипично для итальянских трехзвездочных отелей, где повезет, если выдадут континентальный завтрак – круассан, джем и масло, кофе да сок, вот и все. По всей видимости, русские туристы, которых было много в этом отеле, когда-то давно взбунтовались и потребовали кормить их нормально. Отель шел на уступки: был и омлет, и сосиски, и разнообразная выпечка, и ассортимент соков и чая. Постоянно подносили новые порции, чтобы всем хватило. Русские туристы быстро тренируют любую нацию...

Макс нацелился было на столик в углу, где могли поместиться только двое, однако Инга решительно потянула его к одному из столов на шестерых.

– Хочешь работать? Работай.

Макс кивнул: работать он умел лучше всего.

Набрав еды, они сели и не остались в одиночестве: появившийся вместе с мамой вчерашний милый конопатый мальчишка тут же подбежал:

– Здравсьте! А можно мы тут сядем?

– Садитесь, конечно, – любезно пригласила Инга.

– Ма-ам! Мы тут можем сесть! Мам, я хочу сок! А омлет я не буду!

– Здравствуйте, – сказала женщина, подходя, – вы не против, если мы с вами?..

– Конечно нет.

– Ма-ам!

– Кирилл, пожалуйста, не кричи, я и так все понимаю. Пойдем, выберем тебе сок.

– Как она умудряется с ним справляться? – спросил Макс, когда они отошли. – Этот ребенок совершенно неуправляем.

– Ты не видел неуправляемых детей.

– По-моему, он ведет себя неприлично.

– Бегать и кричать? Нет, Макс. Это типично. У них же энергия бурлит, ее нужно куда-то девать, хотя бы направлять в нужное русло.

– По-моему, это расстройство.

– Нет, ты не прав. Я в детстве была поспокойнее, а вот моя сестра... Она и меня раззадоривала, и мы с ней носились так, что люстра качалась. Когда у меня будут дети и они начнут так бегать, я не стану удивляться. Энергия – выход. Физика!

Он покачал головой – не согласился. Впрочем, Инга знала, что так будет.

Его родителей она видела несколько раз – как ни странно, и одного оказалось достаточно, чтобы составить о них определенное мнение. С первого раза у Инги больше не имелось вопросов, почему Макс такой. Никаким иным он быть и не мог, и она ему не сочувствовала, нет. Простого сочувствия тут явно оказалось бы недостаточно. Тем более что никакая жалость Максиму не требовалась и была катастрофически вредна: он-то полагал свою жизнь исключительно удавшейся, а все, что не вписывалось в нее, – ошибкой природы.

Ну, посмотрим.

Кирилл бегал туда-сюда, принося еду, с гордостью притащил тарелки, наконец плюхнулся на свое место и принялся наворачивать омлет, от которого пять минут назад категорически отказывался. Сунув в рот здоровенный кусок, мальчик посмотрел на Макса и беззастенчиво поинтересовался:

– А где ваш айпад?

– Кирилл, – спокойно и предупредительно заметила его мать, подходя к столу и ставя блюдо с выпечкой.

– Ой, да. Мама говорит, сначала нужно знакомиться. Я Кирилл, а это мама. А где ваш айпад?

– Я Максим Эдуар...

– Это Макс, я а Инга, – сказала она и легонько толкнула Амлинского локтем – не раскрывайся, дескать, шпион. Еще бы должность назвал и полное имя компании. – Очень приятно, Кирилл. А твою маму как зовут?

– Мама Лена!

– Очень приятно, Елена, – сказал Макс. – Мой айпад в номере, Кирилл. Я бы взял его с собой, но Инга решила, что без него будет лучше.

– А как же играть?!

– Думаю, Максим полагает, что лучше не играть, а смотреть по сторонам, Кирилл, – произнесла Елена. – Мы ведь приехали в Рим, и ты сам хочешь все посмотреть. Игрушки есть и дома, а Рима дома нет.

Инга начала подозревать, что у фантастически безмятежной Елены имеется неплохое чувство юмора, которое и помогает пережить ураган по имени Кирилл.

– Ага. Мы вчера путеводитель читали. Столько всякого! Мам, мы же пойдем в Колизей, да?

– Пойдем, конечно. – Она намазала круассан маслом и джемом и обратилась к Инге: – Вы впервые в Риме?

– Я в третий раз, а Макс... можно считать, что и в первый. – Она покосилась на него, чтобы сам продолжал, и Амлинский, преодолевая внутреннее сопротивление, произнес неохотно:

– Я был здесь с отцом в юности. Почти ничего не запомнил.

– Тогда вам предстоит много открытий, – сказала Елена.

– Благодарю, я надеюсь, что они будут приятными.

Кирилл продолжал болтать и с огромной скоростью уничтожать завтрак, Макс отвечал на его вопросы – односложно, но отвечал, – а Инга пила кофе и думала, что впереди несколько дней, которые могут оказаться весьма интересными. В конце концов, нужно просто выйти в этот город.

4

*Государь не волен выбирать себе народ, но волен выбирать
знать, ибо его право карать и миловать, приближать и подвергать
опале.*

И едва выйдя в утреннее тепло из отеля, Макс вспомнил, что именно его поразило в тот давний, почти стершийся из памяти визит в Рим.

Свет.

Свет с картин итальянских мастеров, умевших касанием кисти передать это невероятное волшебство. Свет, о котором Макс столько читал (архитектор должен знать такие вещи), видел на картинах, на фотографиях, но лишь однажды – своими глазами. Свет, обтекающий здания, глядящий их углы, придающий формам толику совершенства, которого, увы, так мало в этом мире. Макс вдруг вспомнил, как отцовский лимузин ехал по улицам, отец говорил по телефону, на несколько минут предоставив сына самому себе, а Макс придвинулся к окну, опустил стекло и смотрел, смотрел на сияющие итальянским светом дома, развалины, памятники и фонтаны. По-особенному искрилась вода, играли блики в листве, сверкали стекла. Макс запомнил это кружевное сияние – а казалось, забыл.

Он даже солнечные очки спрятал в карман кошмарной рубашки, чтобы насладиться светом.

Инга шла рядом, но Макс ее почти не замечал, поглощенный тем, что смотрел по сторонам. Инга велела поставить телефон в беззвучный режим, бросить почти всю технику в отеле, и это Макса раздражало, но итальянский свет немного примирил с действительностью. Длинноногая гид оперативно засунула всех в автобус, пересчитала по головам, сказала, что экскурсия начнется с визита в Ватикан, и, когда автобус поехал, заговорила в микрофон, однако Макс уже не слушал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.